

ЗНАЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ Н.С. ТРУБЕЦКОГО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОЛИ РАЗНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

З.К. Тарланов

*Северный институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
Российская Федерация, 185034, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, ул. Онежской Флотилии, д. 51*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации социальной жизни и поведенческих норм представителей социумов разных цивилизаций, которые приняты в них в качестве историко-культурных констант и установлений. Контрастивно анализируются некоторые существенные черты Европейской и Евразийской цивилизаций на фоне исторического опыта относящихся к ним европейских и евразийских культур. Основное место в статье отводится систематизации культурных норм и принципов организации социальной жизни в Евразийской и Европейской цивилизациях, а также в многонациональном Российском государстве с учетом основополагающих идей профессора Н.С. Трубецкого.

Ключевые слова: Евразия, Европа, цивилизация, культура, история, язык, национализм, колониализм, культурная толерантность, этническая психология, шовинизм, индоевропейцы, евразийцы, Н.С. Трубецкой

Начиная работу над предлагаемой статьей, не могу не остановиться на одном замечании: как много в истории русской научной мысли и в истории русской культуры величайших имен, которые все еще не нашли своего достойного и должного места в процессе подготовки специалистов в системе профессионального высшего и среднего специального образования страны! В данном случае речь идет о знаменитых ученых-лингвистах, по трудам которых можно было бы читать в высшей степени полезные и содержательные общие и специальные лекционные курсы, как это практиковалось в России хотя и не часто, например, в XIX в. Это было бы не только замечательной научной школой, школой подготовки образованных молодых ученых, квалифицированных специалистов, но и естественной формой воспитания патриотизма и гордости за отечественную науку. Речь идет, например, о таких выдающихся русских ученых-лингвистах и филологах, составляющих славу русской науки, как В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, Н.С. Трубецкой, Л.В. Щерба, Д.С. Лихачев и др.

В нашем конкретном случае имеется в виду гениальный Н.С. Трубецкой, обогативший отечественную и мировую науку блистательными исследовани-

ями в области общей фонологии, которые сыграли огромную роль в становлении всех известных структуральных школ в мировом языкознании XX века, в области истории и философии культуры, в создании теории евразийства, в сопоставительно-типологическом исследовании Европейской и Евразийской цивилизаций. Обсуждение и решение проблем во всех этих научных направлениях сопряжены с тончайшим анализом таких феноменов, которые для своего обнаружения требуют больших интеллектуальных усилий.

Эти феномены не даны опытно, по отдельности, но тем не менее представляют собой существенные компоненты сложных многовековых образований культуры и глубинного содержания языковых категорий, которые определяют ментальный мир и психологию соответствующих народов, относящихся к разным историческим периодам и цивилизациям. Будучи аккумулярованы этническим опытом, они не поддаются опытному обнаружению и исследованию, представляя собой предмет метафизики в том смысле термина, который имел в виду Андроник Родосский (I в. до н.э.), говоря о сочинении Аристотеля «об умопостигаемых началах бытия» [1. С. 805].

Евразийские идеи Н.С. Трубецкого проанализированы в подробных и содержательных вступительных статьях академика Н.И. Толстого [2. С. 5–28] и профессора Л.Н. Гумилева [3. С. 33–54] к однотомнику его сочинений [4].

Одна из доминирующих идей евразийских исследований Н.С. Трубецкого состоит в том, что история, культура и язык теснейшим образом связаны между собой. Исторический опыт народов, отражаясь и закрепляясь в языке в виде определенной совокупности понятий, формирует их культуру и взгляд на мир. Такого рода культура, став достоянием многих народов, одинаково или сходно воспринимающих ее, в конечном счете преобразуется в тот сложный и пока плохо изученный феномен, который именуется цивилизацией.

Одной из таких цивилизаций является так называемая Европейская цивилизация. Безусловная и важнейшая заслуга Н.С. Трубецкого в этом плане состоит и в том, что он впервые доказательно и аргументированно продемонстрировал метод и последовательность исследования цивилизации в качестве особого историко-этнокультурного феномена. При этом предметом его удивительно тонкого логико-исторического и культурологического анализа оказываются прежде всего общепризнанная как аксиома Европейская цивилизация и впервые выделенная в отдельный тип русскими учеными в 20–30-х годах XX века Евразийская цивилизация, признанным теоретиком которой сам Н.С. Трубецкой и считается. Эти цивилизации и их составляющие рассматриваются им в их языковых структурах и культурах по отчетливо выявляемым понятийно-культурным, языковым, психологическим, поведенческим национальным доминантам, действующим в каждой из них либо императивно, навязчиво по отношению к аналогичным проявлениям в других языках и культурах, либо же экзистенциально, в качестве возможного, но необязательного.

В то время, когда Н.С. Трубецкой писал об этом, Европа была другой, более толерантной к чужим, неевропейским, культурам. Современная же

Европа, разделенная с Европой, исследуемой Н.С. Трубецким, целым столетием, доказывает, насколько же был прав и прозорлив великий ученый в его оценках и существенных характеристиках Европейской цивилизации. Неслучайно современная Европа отвергается большинством человечества.

Главным вопросом, от которого Н.С. Трубецкой отталкивается при определении базовой черты Европейской цивилизации, предстает вопрос национальный [5. С. 57]. В Европейской цивилизации национальный вопрос получил два решения, считает Н.С. Трубецкой, которые в принципиальном плане сводятся к одному и тому же:

1) решение шовинистическое, согласно которому «лучшим народом в мире является его (шовиниста. – *З.Т*) народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур. Его народу одному принадлежит право первенствовать и господствовать над другими народами, которые должны подчиняться ему, приняв его веру, язык и культуру, и слиться с ним. Все, что стоит на пути к этому конечному торжеству великого народа, должно быть сметено силой. Так думает шовинист, и согласно с этим он и поступает» [5. С. 57];

2) решение космополитическое: ход мыслей космополита как будто бы иной, но, отрицая различия между национальностями, он полагает, что «если такие различия есть, они должны быть уничтожены».

Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру. Нецивилизованные народы должны принять эту культуру, приобщиться к ней и, войдя в семью цивилизованных народов, идти с ними вместе по одному пути мирового прогресса. Цивилизация есть высшее благо, во имя которого надо жертвовать национальными особенностями» [5. С. 57] Как шовинисты, так и космополиты под цивилизацией понимают «ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы. Под цивилизованными народами соответственно – прежде всего опять-таки тех же романцев и германцев, а затем и те другие народы, которые приняли европейскую культуру» [5. С. 58].

Н.С. Трубецкой выявляет и реальные психологические основания европейских космополитических и шовинистических теорий: психологическое же основание космополитизма – то же самое, что и основание шовинизма. Это разновидность того бессознательного предрассудка, той особой психологии, которую лучше всего назвать *эгоцентризмом*. Человек с ярко выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ то, которое к нему ближе, более на него похоже, – лучше, а то, которое дальше отстоит от него, – хуже. Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его народ, его племя, его раса – лучше всех остальных, подобных им» [5. С. 60].

Прошу извинения у читателя, но приведу в этой же связи еще одну цитату из текста автора, потому что лучше и яснее автора не скажешь: «европейцы просто приняли за венец эволюции человечества самих себя, свою культуру

и, наивно убежденные в том, что они нашли один конец предполагаемой эволюционной цепи, быстро построили всю цепь. Никому и в голову не пришло, что принятие романо-германской культуры за венец эволюции чисто условно, что оно представляет из себя чудовищное *petitio principii* [5. С. 68]. Эгоцентрическая психология оказалась настолько сильна, что в правильности этого положения никто и не усомнился, и оно было принято всеми без оговорок как нечто само собою разумеющееся» [5. С. 68].

В итоге эволюция человечества предстает, как пишет Н.С. Трубецкой, в виде лестницы, на вершине которой располагаются 1) романо-германцы, а также 2) народы, воспринявшие их культуру; 3) «культурные народы древности», то есть те народы, которые по своей культуре наиболее соприкасаются и сходятся с европейцами; 4) «культурные народы Азии: письменность, государственность и некоторые другие пункты культуры этих народов позволяют находить в них некоторое сходство с романо-германцами»; 5) точно так же – старые культуры Америки (Мексика, Перу); эти культуры несколько менее похожи на романо-германскую и, сообразно с этим, на эволюционной лестнице помещаются несколько ниже.

Все же все упомянутые до сих пор народы в своей культуре имеют настолько много черт внешнего сходства с романо-германцами, что их удостоивают лестного звания «культурных». Ниже стоят уже «малокультурные» народы, «дикари». Это те представители человеческого рода, которые имеют наименьшее сходство с современными романо-германцами» [5. С. 68]. Слова, используемые для распространения европейского космополитизма, – «человечество», «общечеловеческий», «цивилизация», «мировой прогресс» и «проч., как доказательно показывает Н.С. Трубецкой, «на самом деле скрывают определенные и весьма узкие этнографические понятия, используя которые романо-германцы одурачивают «интеллигентов» нероманогерманских народов» [5. С. 65]. Все, что не соответствует представлениям романо-германцев, Европейской цивилизацией отвергается и бездумно-агрессивно преследуется. Кому, кроме самоуверенно эгоцентричных европейцев, придет в голову мысль запретить, например, гениев русской культуры А.С. Пушкина и П.И. Чайковского? Но это тщетные потуги людей, разрушающих и свою культуру. Можно не сомневаться, что Пушкин, Чайковский и другие гении русской и российской культуры будут служить своему благодарному отечеству без и после Европы, все более утрачивающей свою историко-культурную роль.

Для верного осмысления проблем типа русской культуры, русского мировосприятия, занимающих одно из центральных мест в исследованиях Н.С. Трубецкого, необходимо выявить те существенные элементы, которые являются ядерными для истории русской культуры и становления русской национальности. К ним Н.С. Трубецкой относит: 1) «элемент славянский, выявляемый по данным языка, вернее по данным уже «праславянского диалекта, превратившегося с течением времени в особый язык. Особенности этого праславянского диалекта, отличавшие или сближавшие его с другими диалектами индоевропейского праязыка, могут быть восстановлены наукой, это и

есть то самое древнее, что мы можем знать о предках славян» [6. С. 127–128]. Общеславянский диалект в плане пространственно-территориальном занимал «серединное положение»: «с юга к нему примыкали диалекты прииллирийские и прифракийские, мало нам известные», на востоке он соприкасался с однородной группой праиндоиранских диалектов, на западе – с группой западноевропейских диалектов (прагерманским, праиталийским и пракельтским, которые представляли из себя менее однородное целое, чем диалекты индоиранские. В силу своего срединного положения праславянские диалекты одними своими особенностями сходились с индоиранскими, другими – с западноевропейскими; 2) очень разнообразный элемент туранский» [6. С. 128], с которым «русский народ связывается преимущественно известными чертами своего психического облика» [7. С. 112]. Туранство в отличие от исключительно лингвистического понятия «славянство» «не есть ни расовое, ни строго лингвистическое единство, а единство этнопсихологическое» [6. С. 131].

К концу индоевропейской эпохи, «когда праславянский диалект обособился в самостоятельный язык», славянам предстояло выбрать направления связи с югом, востоком и западом. Как показывают факты, „душой“ славяне тянулись к индоиранцам, „телом“, в силу географических и материально-бытовых условий к западным индоевропейцам» [6. С. 131]. В конце общеславянской эпохи славяне делились на три группы – западную, южную и восточную. Западная группа примкнула к романо-германскому миру (предки поляков, чехов и лужичан), южная группа вошла в сферу влияния Византии и вместе с другими племенами Балканского полуострова участвовала в создании особой «балканской культуры, «эллинистической в своих верхах». В корне отличной была тенденция культурного развития восточных славян, которые романо-германскому Западу предпочли Византию, а к романо-германскому духу у них была отчетливая репульсия. «В этом отношении восточные славяне являлись верными потомками своих доисторических предков, – писал Н.С. Трубецкой, – тех носителей праславянского диалекта индоевропейского праязыка, которые, как доказывает изучение словаря, не чувствовали духовной близости к западным индоевропейцам и в духовном отношении ориентировались на Восток. У западных славян эта психическая особенность была подавлена благодаря долгому непосредственному общению с германцами, у восточных же она усугубилась отчасти, может быть, благодаря антропологическому смешению с угро-финнами и тюрками» [6. С. 133]. В целом, как устанавливает Н.С. Трубецкой, культура, «которой жил русский народ с этнографической точки зрения представляет из себя совершенно особую величину, которую нельзя включить без остатка в какую-либо более широкую группу культур или культурную зону. В общем, эта культура есть сама особая „зона“, в которую кроме русских, входят еще угро-финские „инородцы“, вместе с тюрками Волжского бассейна. Незаметной постепенностью эта культура на Востоке и Юго-Востоке соприкасается с культурой „степной“ (тюркомонгольской и через нее связывается с культурами Азии» [6. С. 135].

Верность особой «зональности» русской народной культуры, культуры «низов» иллюстрируется анализом русского народного художественного творчества: великорусских народных песен, «составленных в так называемой «пятитонной, или индокитайской, гамме, то есть как бы в мажорном звукоряде, аналогичной гамме у тюркских племен бассейна Волги и Камы, у башкир, у сибирских татар, у тюрков русского и китайского Туркестана, у всех монголов» и далее – в Древнем Китае, Сиаме, Бирме, Камбодже, Индокитае [6. С. 135]. Та же мысль подтверждается разбором другого вида ритмического искусства – танцами, отличными от романо-германских танцев, в которых постоянное прикосновение кавалера к даме при бедности технических средств самого танца вносит определенный сексуальный элемент», в то время как русско-азиатские танцы носят скорее характер состязания в ловкости и в ритмической дисциплине тела. <...> В Европе только испанцы знают нечто подобное, но, по всей вероятности, это объясняется и у них «восточным» (мавританским и цыганским) влиянием.

Что касается славян, то они в отношении хореографического искусства не примыкают к России; только болгарская «рученица» воспроизводит до известной степени русско-азиатский тип, несомненно, под «восточным» влиянием» [6. С. 137].

Аналогично обстоит дело также в области орнамента и народной словесности: стиля сказки, жанра и сюжетов эпоса, «связанных с «туранским востоком и с Византией» [6. С. 137]. Из всех туранских народов – угро-финских, самоедов, тюрков, монголов, маньчжуров «туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков, – считает Н.С. Трубецкой, – которые к тому же из всех туранцев играли в истории Евразии самую выдающуюся роль» [8. С. 141].

Для выяснения психического облика тюрков Н.С. Трубецкой использует разные данные их языков, а именно:

1) данные звукового строя, которые дают возможность выявить «один общий тип языка, яснее всего выступающий у алтайцев. Тип в целом характеризуется стройностью. Звуковой состав слов регулируется рядом закономерностей: гармонией гласных в слове;

2) одни согласные (например, г, к, л) допускаются только в «заднегласных» словах, другие (например, г', к', л') – только в «переднегласных» словах, третьи (например, д, б, з, дж, з, ж) допускаются только между гласными и некоторыми согласными и т.д. [8. С. 144];

3) данные синтаксического строя: эти данные характеризуются той же «схематичностью и последовательностью: слова определяющие стоят непосредственно перед определяемыми, прямое дополнение стоит между подлежащим и сказуемым; слово, выражающее субъект действия, предшествует слову, выражающему действие [8. С. 145];

4) в области музыки единства между тюркскими народами меньше, но и здесь проявляются те же основные психологические черты, что и в строе тюркских языков: «схематическая ясность и прозрачность» [8. С. 147];

5) показания устной поэзии: если не принимать во внимание следствий арабско-персидского влияния, то «в поэзии разных тюркских народов намечаются черты одного общего типа: различий между долгими и краткими гласными нет; ударение, фиксированное на последнем слоге слова, не воспринимается как смыслообразующий («фонологический») фактор языка; тюркское стихотворение построено на числе слогов, является «силлабическим» [8. С. 148];

6) показания поэтического творчества: здесь единства меньше: у одних (например, у казанских татар) господствуют короткие четверостишия вроде русских частушек с тенденцией к синтаксическому параллелизму; у других племен преобладают двустишия или симметрично построенные четверостишия с параллелизмом, доходящим до тавтологии; у третьих известны и длинные, большей частью эпические песни, которые тоже строятся строфически, с подчинением каждой строфы принципу параллелизма. Поэтическое творчество тюрков, как выявил Н.С. Трубецкой, обнаруживает «те же психологические черты, которые уже отметили и в языке и в музыке: сравнительная бедность средств при замечательно последовательной закономерности и схематичной ясности построений» [8. С. 148].

Заметим лишь попутно, что очень многое из того, что Н.С. Трубецкой писал о тюркских народах, их языках, об их искусстве и поэтическом творчестве почти полностью применимо и к соответствующим элементам, например, северокавказских (дагестанских народов), их психологическому типу, культуре и мировосприятию, как и народам Южного Кавказа.

Рассмотрение роли туранских психологических черт в русском национальном облике Н.С. Трубецкой завершает следующим общим выводом: «в общем роль эта была положительной, недостатком была чрезмерная неповоротливость и бездеятельность теоретического мышления. От этого недостатка следовало избавиться, но, конечно, без принесения в жертву тех положительных сторон русского национального типа, которые были порождены сопряжением восточного славянства с туранством. Видеть в туранском влиянии только отрицательные черты – неблагодарно и недобросовестно. Мы имеем право гордиться нашими туранскими предками не меньше, чем предками славянскими, и обязаны благодарностью как тем, так и другим. Сознание своей принадлежности не только к арийскому, но и туранскому психологическому типу необходимо для каждого русского, стремящегося к личному и национальному самопознанию» [8. С. 160].

В дополнение к замечательным и глубоким замечаниям Н.С. Трубецкого о различиях между культурами и этнопсихологией Европейской и Евразийской цивилизаций обратим внимание и на следующие, например, не лишённые интереса факты: реконструируемый в индоевропейском праязыке на основе сонантической гипотезы Ф. де Соссюра [10] и ларингальной теории Е. Куриловича ([9. С. 289], подробный анализ гипотезы Ф. де Соссюра см. во вступительной статье А. А. Зализняка к «Мемуару» [10]) и подтверждаемый показаниями хеттского языка корень пас- (пастор, пасти ← *peh-š = pas-

и под.), обнаруживаемый в языках романо-германских народов, зафиксирован и в северокавказских языках (ср. Агульское *pažž* 'прикрытие, козырек, защитная пристройка перед дверью в дом').

Подробный анализ гипотезы Ф. де Соссюра см. во вступительной статье А.А. Зализняка [10. С. 289–301] Ср. также корень слова ата- в палайском 'есть' и в агульском *э(у)тас* 'есть'; *эс* в хеттском 'сидеть' и *ас*, *ус* в агульском 'место, где можно сидеть'; 'верия' в хеттском и *верия* в палайском 'звать', *эвер*, *эвериз*. *эвер гуз* в лезгинском 'зов, звать'; хеттское *эрха* 'граница', агульское *арха* 'исходная точка, исходный топос'; палайское *квен* 'убивать', лезгинское 'кьин' 'смерть, убийство'; хеттское *харава* 'дорога', агульское *хараба* 'заброшенная дорога, брошенное место'; хеттское *пир* 'дом', агульское *пир* 'священное строение, помещение для добрых духов, а также памятник, в том числе и надмогильный'; хеттское *сурна* 'рог', агульское *сурна* 'зурна' и др.

Семантическая и внешняя близость подобных и аналогичных слов очевидна, хотя и трудно сказать, насколько приведенный список древних слов заслуживает доверия. Но слово *пир* 'дом' с указанием на неясное и широкое его значение в хеттском приводится и Вяч. В. Ивановым [11. С. 211].

Примечательны также и совпадения некоторых мифологических хеттских и северокавказских образов. В частности, Вяч. В. Иванов пишет об образе Солнца в хеттской культуре, встающего из-за моря [11. С. 6]. В агульской культуре, относящейся к северокавказской, и Солнце, и Луна представлены встающими из-за моря, хотя современные территории проживания агулов далеки от моря, они традиционно с незапамятных времен жили в горах. В той же культуре затмение Луны и Солнца объяснялось нападением на них тюленей, так называемых «морских собак». Когда морские собаки отступают, тогда затмение проходит.

Во время затмения женщины устраивали плачи, люди раздавали милостыню в защиту страдающих Солнца или Луны, а мужчины стреляли из ружей, поднявшись на крыши домов, чтобы отпугнуть «морских собак», напавших на Луну или Солнце. Эти факты дают основание, во-первых, судить о почтенном возрасте дагестанских языков, который больше четырех тысяч лет и, во-вторых, серьезно усомниться в историко-культурной адекватности деления народов на разряды по степени их культурного развития, принятого сторонниками теории Европейской цивилизации, о чем совершенно справедливо писал Н.С. Трубецкой. По приведенным данным очевидно, что «малокультурные» народы Евразийской цивилизации Северного Кавказа в далеком прошлом соприкасались с теми же древними культурами, что и «культурные» будущей Европейской цивилизации, – культурами, составлявшими общий знаменатель для тех и других.

Для Евразийской цивилизации чужда идея насильственного навязывания одной культуры разным народам, как и идея колониального подчинения одних народов другим. У России, Российской империи, являющейся многонациональной с древнейших времен, никогда не было колоний. Отношения между народами внутри империи за редкими исключениями были равными и

взаимно доброжелательными. Сплачивающим, государствообразующим в ней был русский народ, выдающиеся представители которого занимались исследованиями и систематизацией культур всех народов империи, в том числе и малых. Это очень важная, но, к сожалению, пока совершенно почти не изученная проблема истории культуры Российского многонационального государства.

Для уяснения характера отношений между народами Российской империи, а затем в СССР достаточно сравнить хотя бы повесть классика русской литературы Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» с «хладнокровным уничтожением индийской деревни, изображенным классиком английской литературы Кипплингом в его поэме» «Могила сотни голов», которое «в плане беллетристики, без сомнения, выглядело более мягким, чем результаты его идей, примененных во вполне реальной обстановке 1921 года (!), когда участники антианглийского восстания мусульман Малабарского побережья были заживо сожжены в железнодорожных вагонах солдатами английской армии» [12. С. 37; 14. Р. 87]. См. также в воспоминаниях Неру «Jawaharlal Nehru an autobiography with musings on recent events in India»: «Как ужасно было то, что захваченные пленники были сожжены заживо в намеренно запертых железнодорожных вагонах» (пер. Е.З. Тарланова) [16. С. 87].

Что касается других существенных отличий Евразийской цивилизации от Европейской, то они могут быть сведены в самом беглом виде, к следующим:

1. Примечательно и то, что одна из величайших империй прошлого – Оттоманская, просуществовавшая с XIII столетия до 70–80-х годов XIX столетия, тоже не имела никаких колоний, не навязала своего языка ни одному народу в отличие от романо-германцев, насильственно насаждавших свои языки в колонизованных ими странах (ср. функционирование французского и английского языков в Африке, английского в Америке и т.д.).

2. Крупнейшее государство с многовековой богатой историей – Китай – не знало колоний. Если соответствующие государства сопротивлялись навязчивости Европейской цивилизации, их уничтожали (ср. судьбу Афганистана, Ливии, Ирака в недавней истории Ближнего Востока). Евразийской цивилизации чуждо навязывание своих норм и правил, своей культуры народам иных цивилизаций. Это мирная, лояльная и открытая цивилизация в отличие от Европейской, породившей в XX веке две мировые войны с колоссальными человеческими жертвами.

3. В Евразийской цивилизации основу социальной структуры общества составляла и составляет семья, члены которой придерживаются, как правило, общих единых принципов жизни, единых представлений о добре и зле, о нормах поведения, о долге и чести. Семья тоже структурирована по возрастному и половому параметрам и включает в себя представителей разных поколений по прямой линии. Старшие заботятся о младших, а младшие слушаются старших. Нормы поведения в семье очень близки у всех народов Евразийской цивилизации. В Европейской цивилизации как в семье, так и в социальной структуре общества стержневым является индивидуалистский тип жизни, особенно усилившийся во второй половине XX века. Это и породило навязывание всему миру так называемых «прав человека», ради чего уничтожались

целые народы, государства и страны. «Права человека» в конце концов привели к уродливым однополым бракам, полностью отрицающим то, что называлось семьей. В Евразийской традиции, в отличие от Европейской, вежливое обращение к незнакомым оформляется словами, обозначающими родство – «отец», «мать», «сестра», «брат», «дядя» «тетя» и проч., что опять-таки свидетельствует о почетном положении семьи в социальной структуре общества.

4. Евразийская цивилизация неотделима от коллективизма, соборности, предпочтительности общественного частно-индивидуалистскому, что находит свое отчетливое выражение, в частности, и в народной словесности – в пословицах, сказках, песнях и других жанрах народного словесного творчества. Вот как выглядит соборность древней русской монастырской жизни, описанной в древнейшем памятнике русской письменности – в «Повести временных лет» под 6582 годом (1074) – год смерти Феодосия Печерского, в которой монахи обращаются к игумену накануне его ухода из жизни: «Ты нам всем отец и будет отец и игумен (которого назовет Стефан. – З.Т.), и будем слушаться его, как и тебя. Отец же наш Феодосий сказал: «Отойдите от меня и назовите, кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих же – кого захотите, от старейших и до меньших» [13. С. 125]. Феодосий назначил игуменом Печерского монастыря Стефана. «Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила в Руси сияют; ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи – на преклонение коленное, четвертые – на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные – овощи вареные, другие – сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие любовь имели к младшим, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, разделяли между собой трое или четверо» [13. С. 126–127].

5. Государства Евразийской цивилизации были изначально многонациональными, к их истории такое, например, понятие, как «толерантность», зародившееся недавно в исконно однонациональных европейских государствах, неприменимо. В Евразийской цивилизации толерантность, открытость была важнейшим принципом межкультурных контактов во все времена. Открытость в межкультурных контактах, лояльность по отношению к иноэтническим культурам является важнейшей чертой русской национальной психологии, как это отчетливо проявляется в богатейшем русском синтаксическом строе, отличающемся в этом отношении от синтаксиса европейских языков [14].

6. Для культур Евразийской цивилизации, полиэтничных по их становлению, национализм, питающий эгоцентризм, реально содержащий в себе возможность в определенных условиях трансформироваться в тот же фашизм, просто неорганичен.

7. Что касается России, то элементы евразийской культуры более полно отразились в русской народной культуре, в культуре «низов», по Н.С. Трубецкому, в то время как элементы европейской культуры осели в основном в культуре «верхов». Чтобы убедиться в этом, достаточно сослаться на то, насколько подробно и глубоко изучены западноевропейские заимствования в русском литературном языке, в то время как многочисленные евразийские заимствования остаются почти совершенно не тронутыми и в литературном, и в народном языке [15].

Литература

1. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 805.
2. Толстой Н. И. Н. С. Трубецкой и евразийство // Н. С. Трубецкой История. Культура. Язык / вступ. статьи академика Н. И. Толстого и профессора Л. Н. Гумилева; сост., подготовка текста и комментарии доктора филологических наук В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 5–28.
3. Гумилев Л. Н. Историко-философские сочинения князя Н. С. Трубецкого // Н. С. Трубецкой История. Культура. Язык / вступ. статьи академика Н. И. Толстого и профессора Л. Н. Гумилева; сост., подготовка текста и комментарии доктора филологических наук В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. С. 33–54.
4. Трубецкой Н. С. Культура. Язык / вступ. статьи академика Н. И. Толстого и профессора Л. Н. Гумилева; сост., подготовка текста и комментарии доктора филологических наук В. М. Живова. М.: Прогресс, 1995. 720 с.
5. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 2020. С. 57.
6. Трубецкой Н. С. Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Н. С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 127–128.
7. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 112.
8. Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова; вступ. статьи Н. И. Толстого, с. 5–28, Л. Н. Гумилева, с. 31–54; Австр. акад. наук. М.: Прогресс: Универс, 1995. 797 с.
9. Соссюр Ф. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках / пер. с франц. языка А. С. Бобовича и А. Б. Черника; под ред. А. А. Холодовича; вступ. статья А. А. Зализняка // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию / пер. с франц. языка под ред. А. А. Холодовича; вступ. статья А. А. Зализняка. М.: Прогресс, 1977. 495 с.
10. Зализняк А. А. О «Мемуаре» Ф. де Соссюра // Фердинанд де Соссюр. Труды по языкознанию / пер. с франц. языка под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 289–301.
11. Иванов Вяч. В. Хеттский язык. М., 2002. С. 211.
12. Тарланов Е. З. Сопряжение времен (историко-литературные заметки). Петрозаводск, 1998. С. 37.
13. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева; вступ. статья и прим. О. В. Творогова; худ. М.М. Мечев. Петрозаводск: Карелия, 1991. С. 125.
14. Тарланов З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 1999. 208 с.

15. *Тарланов З. К. О стилистическом статусе евразийских заимствований в русском языке // Русская речь. 2006. № 5.*
16. Jawaharlal Nehru an autobiography with musings on recent events in India / Tye Bodley Yead. London, 1958. P. 87.

THE SIGNIFICANCE OF EURASIAN STUDIES OF N.S. TRUBETSKOY IN THE INTERPRETATION OF THE ROLE OF DIFFERENT CIVILIZATIONS IN WORLD CULTURE

Z.K. Tarlanov

*All-Russian State University of Justice
51 Onega Flotilla St, Petrozavodsk, Republic of Karelia,
185034, Russian Federation*

Abstract. The article examines the issues of organizing social life and behavioral norms of representatives of societies of different civilizations, which are accepted in them as historical and cultural constants and institutions. Some essential features of the European and Eurasian civilizations are analyzed in contrast against the background of the historical experience of the European and Eurasian cultures related to them. The main place in the article is given to the systematization of cultural norms and principles of organizing social life in the Eurasian and European civilizations, as well as in the multinational Russian state, taking into account the fundamental ideas of Professor N.S. Trubetskoy.

Keywords: Eurasia, Europe, civilization, culture, history, language, nationalism, colonialism, cultural tolerance, ethnic psychology, chauvinism, Indo-Europeans, Eurasians, N.S. Trubetskoy